

"Дом из далёкого детства"

Так озаглавила свое замечательное письмо Г.М. Парийская, которая прочла в "нашей газете" (она так пишет: "нашей") о реставрации дома № 25 на улице Кирова и "бурно возрадовалась, хоть внешнему, обновлению старика: ведь ему 70 лет. А ведь среди нас, старожилов, ходили легенды, байка, а вернее всего, реальная история о том, что один из его строителей или архитекторов (фамилию - Эшштейн - помню точно: с его дочкой я училась в школе) был репрессирован за якобы безграмотно возведенный фундамент к этому дому. А дом стоял, стоит и впервые ремонтируется..."

К "дому-гиганту", как его называли в городе, построенному в 1938 году и бывшему тогда самым большим (140 квартир!), мы еще придем, чтобы взглянуть, как точно подметила Галина Михайловна, на "хоть внешнее обновление". А пока почитаем письмо.

"Этот дом - история, реликвия, музейная редкость. А мне больно за него вдвойне - это дом моего детства, юности и начала зрелости. Это до обновления среди высоток, белых, как лебеди, пестрых, как райские птицы, он казался мрачным, неухоженным, серым.

А представьте себе улицу Кирова до Левого берега совершенно пустынной. С левой стороны, если двигаться с Курако, дом № 3, и через большое пространство - двадцать пятый дом и две заплатки слева и справа: пятиэтажки у сегодняшнего универмага и за домом № 25. А кругом "торичелевая" пустота, громаднейшее пустое пространство (теперь восемь

троллейбусных остановок). Поэтому когда машины только спускались с Кузнецкого моста, их уже было слышно в доме, а приближение их связывалось с дребезжанием окон. И вот среди этой пустоты вырастает первый в городе пятиэтажный 13-подъездный дом, дом-гигант с арками, с эркерами, строжайший в архитектурном плане, как вышколенный офицер на плацу в элегантном сером тоне.

Дом был элитным, он строился для инженерно-технического персонала (КМК), и ранговый - квартиры распределялись в нем по чинам. В четырехкомнатных предусматривались даже кабинеты со встроенными застекленными стеллажами от пола до потолка. В основном это были квартиры работников

администрации завода, начальников цехов. По нынешним меркам эти квартиры - малометражки, а тогда: ванная, горячая вода. Над арками даже были две пятикомнатные квартиры, в одной из них был погреб. В этом доме одно время жил Белан (не помню имен и отчеств - директор КМК) в 12-м подъезде на 2-м этаже в четырехкомнатной квартире, Смирнов - главный инженер КМК - в четырехкомнатной, Алалыкин, Чремных - начальники цехов - в трехкомнатных, Горащенко - заместитель Жеребина, З.В. Самсонова - заслуженный строитель СССР, Зубарев - профессор СМИ...

Дом был удобен и в бытовом плане: первый этаж был отдан под филиал технической библиотеки КМК, парикмахер-

скую, промтоварный магазин (его называли "трикотажный"), нарсуд Центрального района, мясной магазин, продуктовый, в годы войны - военторг, хлебный магазин.

Дом служил календарем эпохальных изменений. Он сразу познал репрессивные аресты, приезды "черных воронок" к подъезду в 2-3 часа ночи. Многие квартиры не досчитывались своих хозяев. Он знал и годы войны, когда зимой за домом жгли костры, занимая очередь за хлебом с вечера. И члены семьи сменяли друг друга в течение ночи, поддерживая пламя костров.

Что такое эвакуированные, что такое уплотнение - тоже познал. В нашей трехкомнатной квартире, а в ней 36 квадратных метров, жило 10

человек - четыре семьи: две семьи имели по комнате, а две пребывали в одной, отделившись друг от друга шифоньером.

Дом познал и первые послевоенные, почему-то тоже очень голодные годы. За домом на земляной территории сразу выросли погреба, их отдушины щетинились, как перископы, погреба сохранялись до 1950-х годов. Но наш народ стоек и изобретателен. Уже в первые годы войны и после жители дома обзавелись огородами, они располагались на территории современного СМИ, и скотиной (коровами, свиньями). Разнокалиберными частными стайками обросла сторона современной улицы Спартака. Врачи, учителя, инженеры не гнушались заниматься натуральным хозяйством: научились доить коров, колоть свиней, сеять просо, гречиху, рушить их - выживать. Коров выго-

няли в стадо и встречали на уровне сегодняшнего тридцать третьего дома, а в воскресные дни хозяева пасли своих коров в согре, она располагалась против двадцать пятого дома, занимала территорию современной Гоголевки и парка Гагарина ("согра - болотистая равнина с кочкарником". - В.И. Даль). Это огромное торфяное болото: километра два в ширину, еще больше в длину и все усеянное мягкими пружинистыми кочками. Травяное покрытие было очень скудным: клевер, люпин, сныть - для лакомства коров хватало. И это удовольствие всего в ста метрах от дома. А для нас, детей этого дома, был такой простор для игр, душевной радости. Вот она, наша согра, этот бледно-зеленый простор до самой Соколухи, этот нечаянный дар судьбы в самом центре города.

Этот дом знал и начало дружеских связей с Китаем, именно в нем в десятом подь-

езде на три года поселилась первая супружеская пара из Китая - пара, проводшая в партизанских отрядах более 20 лет, всю свою юность с 20 до 40 лет. Приехала она к нам для получения образования и приобретения опыта на КМК. Это были Линь Ли (она получила образование в сельхозтехникуме) и Ма Бин (окончил СМИ и стал главным инженером шанхайского металлургического комбината).

В пятидесятые годы в течение нескольких лет был намыт твердый глиняный слой поверх болота. Исчезла согра. Дом стал обрастать братьями и сестрами, детьми. Вокруг появились двадцать третий, одиннадцатизэтажка, драмтеатр, Гоголевка, СМИ, парк Гагарина, а потом возникла целая центральная улица Кирова с банками, магазинами, почтами, цирком, левобережьем. Детям первых заселенцев этого дома по 75 и более лет, и многие

давно разлетелись по миру, но до сих пор сохраняются детские дружеские связи".

Замечательное, повторюсь, письмо. Когда получаешь такое, душа радуется. Тем более что с писавшим его нас связывает (многих в редакции) долгая сердечная привязанность: Галина Михайловна вела у нас педагогичку.

Но мы уже вернулись к дому № 25, знаменитому дому-гиганту на улице Кирова. Может, день был "не таким", но напротив дома густо парила теплотрасса, мешая рассмотреть его обновленный облик. Тогда я пошел через арку во двор. И - мама дорогая! - обнаружил, что сзади он выглядит таким же безобразно обшарпанным, как год, три, пять лет назад. Меня запустили в подъезд у арки. Это шок! Барачного типа (я уж думал, что таких уже нет) деревянные двери, обросшие коростой облупившейся краски, железная дверь, красивая с улицы, изнутри покрыта куржаком. В подъезде холод собачий, висят оголенные провода, стены покрыты трещинами. "Надо было бы, - рассказывают мне, - утеплить стену со стороны арки. Потому что холод в трубах такой, что приходится сливать воду из горячего крана минут по тридцать, чтобы она стала горячей..." И так далее. Навешанные батареи и замененные окна этот подъезд, понятно, согреть не могут.

Это очень сильно напоминает пресловутую перевязь Портоса, блестящую снаружи. Остается верить, что знаменитый дом будет не просто "обновлен", а все-таки отремонтирован капитально.

Савва Михайлов.